

~~П/А. 1347~~

ИСТОРИЯ
КОМИНТЕРНА
В КОНГРЕССАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. ЛОЗОВСКОГО

~~16.523.~~

1к.

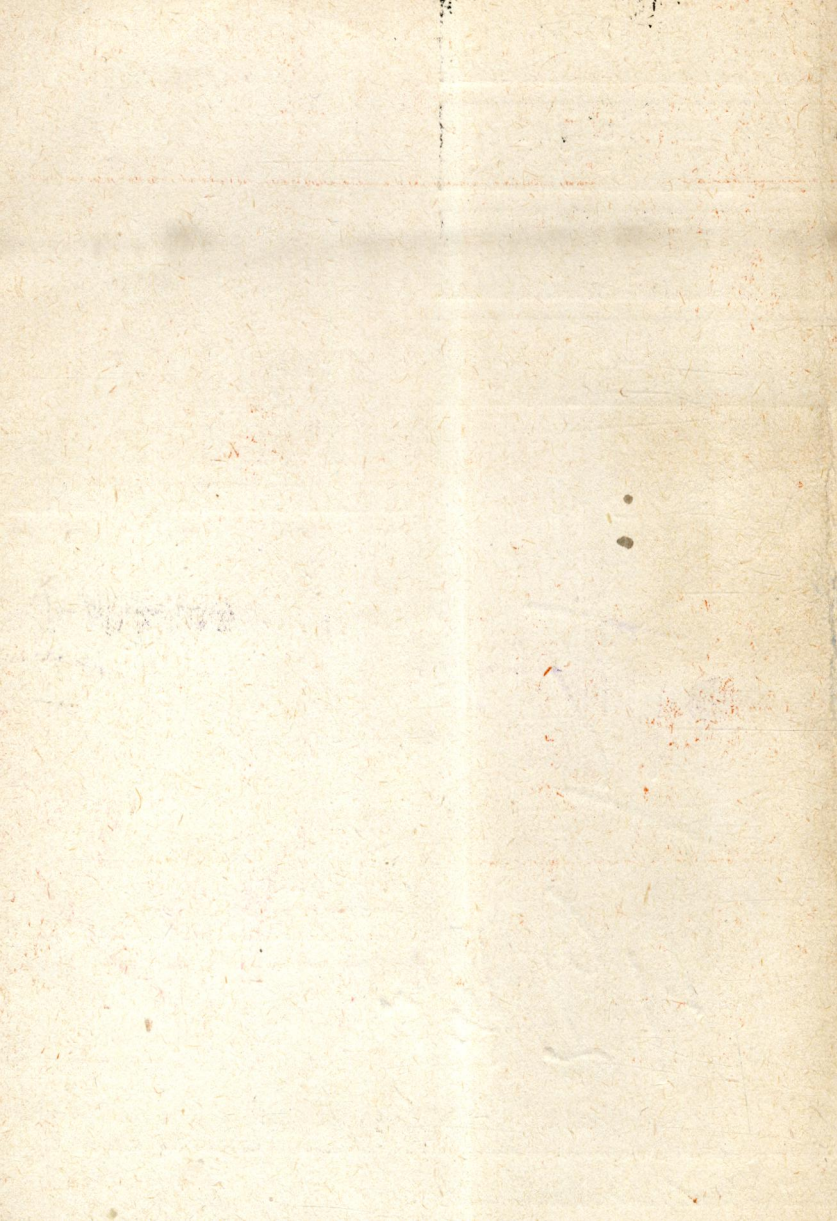
42 к

А. ТИВЕЛЬ

IV

КОНГРЕСС
КОМИНТЕРНА

«ПРОЛЕТАРИИ»

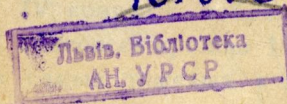

06 10
ИСТОРИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА В КОНГРЕССАХ
ПОД РЕД. А. ЛОЗОВСКОГО

А. ТИВЕЛЬ

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНГРЕСС
КОМИНТЕРНА

(5 НОЯБРЯ — 5 ДЕКАБРЯ 1922 Г.)

~~45723~~

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

1929

Библіографічне описання цього видання
поміщено в „Літопису Українського Друку“,
„Карточному репертуарі“ і других указателях
Української Книжної Палати.

Р61(0)611.1

Напечатано во второй типографии
Издательства „Пролетарий“
Харьков, ул. К. Либкнехта, 38
в колич. 25.000 экзempl.
Упрлит № 195-к
Заказ № 246

VI

~~2663~~

Львівська державна
наукова бібліотека

№ 5277

„Главная задача попрежнему состоит в завоевании большинства рабочих“.

(Из телеграммы Ленина IV конгрессу 4 ноября 1922 г.).

„Исполком Коминтерна находит, что лозунг III всемирного конгресса Коминтерна „К массам!“ и общие интересы коммунистического движения вообще требуют от коммунистических партий и Коминтерна в целом поддержки лозунга единого рабочего фронта и взятия в этом вопросе инициативы в свои руки“.

(Из тезисов Исполкома Коминтерна „о едином рабочем фронте“ от декабря 1921 г.).

I. Коминтерн между III и IV конгрессами.

IV конгресс собрался в ноябре 1922 г. Со времени III конгресса прошло 18 месяцев. Этот период был одним из самых тяжелых в истории послевоенного рабочего движения, а следовательно — и в истории Коммунистического Интернационала.

Тезисы IV конгресса „О тактике Коминтерна“ говорили, что „международное политическое положение характеризуется фашизмом, осадным положением и растущей волной белого террора против рабочего класса“.

Тов. Зиновьев в своей речи при открытии конгресса указывал, что в период между III и IV конгрессами решались ближайшие судьбы Коммунистического Интернационала. III конгресс закончил свою работу в момент, когда наступление капитала и всемирной реакции при-

обрело небывалую планомерность и силу. От Коминтерна стали отходить некоторые ненадежные попутчики. Под перекрестным огнем наступления капитала решался вопрос—устоит ли на посту молодая, еще не окрепшая международная коммунистическая партия. Это были критические месяцы в жизни Коминтерна.

Международное положение.

Вспомним, что произошло за полтора года, отделявшие IV конгресс от III.

Советский Союз постигло тяжелое бедствие голода. Трудное положение в СССР послужило поводом для кампании социал-демократов против Коминтерна. Эта кампания имела известный успех, так как сведения о тяжелом положении в Советской России, естественно, должны были вызвать некоторое разочарование широких масс западных рабочих в деле революции. Вместе с тем империалистические враги Советского Союза попытались использовать затруднения советской власти для усиления наступления против нее.

Как известно, одним из проявлений этого наступления было стремление капиталистов заставить Советский Союз на конференциях в Генуе и Гааге пойти на серьезнейшие уступки, признать все царские долги и лишиться значительной доли самостоятельности. Планы международного капитала в отношении удушения СССР являлись лишь частью общего наступления реакции на международный пролетариат.

Еще более резким проявлением реакции была победа фашизма в Италии. Тут важно отметить, что она имела

не только местное значение. В тезисах конгресса о тактике говорилось: „В тесной связи с экономическим наступлением капитала стоит политическое наступление буржуазии на пролетариат. Особенно ярко оно проявляется в международном фашизме. Ввиду того, что все растущее обнищание охватывает также и средние слои, в том числе и чиновничество, господствующий класс уже не уверен, что он имеет в лице бюрократии совершенно послушное орудие. Поэтому он всюду переходит к созданию особой белой гвардии, которая специально направлена против всех революционных стремлений пролетариата и все более и более служит для насильственного подавления всякой попытки рабочего класса улучшить свое положение“. И тезисы прямо указывали, что опасность фашизма „имеется сейчас во многих странах: в Чехо-Словакии, Венгрии, почти во всех балканских странах, в Польше, Германии, в Америке и даже в таких странах, как Норвегия. В той или иной форме возможность фашизма не исключена и в таких странах, как Франция и Англия“.

Наряду с этим противоречия, разворачивающиеся внутри империалистического мира, снова выдвинули перед человечеством угрозу войны. Еще кровоточили раны, нанесенные империалистической бойней 1914—1918 г.г. еще не высохли чернила, которыми подписывались мирные договоры, а в империалистических странах уже началась подготовка к новым столкновениям. Резолюция IV конгресса по вопросу о Версальском мирном договоре констатировала полную неудачу попыток империалистов создать прочную основу для своего мирового господства. „Великолепное здание мирного договора,—

говорилося в резолюцій,—превратилося в груду развалин. Великі держави і їх вассали готуються к новій війні. Милитаризм тепер сильніше, чем когда бы то ни было. І хотя буржуазія испытывает панический ужас перед новою пролетарскою революціею, которая явится следствием мировой війны, внутренніе законы капиталистического общественного строя неужержимо ведут к новому мировому конфликту“.

Наступление капитала на рабочий класс и оборонительная борьба пролетариата.

Наступление капитала проявлялось в экономической и политической атаке на рабочий класс и на те завоевания, которых добились рабочие в первые годы послевоенного революционного рабочего движения. Волна пролетарской революции, охватившая в 1918—1919 г.г. все страны Европы, спала. Наступление пролетариата было отбито объединенными усилиями капитала и социал-демократии. „Ввиду того, что пролетариат всех стран, за исключением России, не использовал вызванной войною слабости капитализма для нанесения ему решительного удара, буржуазии—с помощью социал-демократов—удалось победить готовых к борьбе революционных рабочих, вновь укрепить свое политическое и экономическое господство и начать новое наступление на пролетариат. Все попытки буржуазии после потрясений мировой войны вновь наладить международное производство и распределение товаров делались исключительно за счет рабочего класса. Систематически организованное в мировом масштабе наступление капитала

на все завоевания рабочего класса вихрем охватило все страны. Реорганизованный капитал повсюду беспощадно понижает реальную заработную плату рабочих, удлиняет рабочий день, урезывает скромные права рабочего класса в предприятиях и в странах с низкой валютой, заставляет нищих рабочих расплачиваться за все бедствия, созданные в хозяйственной жизни обесцениением денег и т. д.". (Тезисы IV конгресса о тактике).

Наступление капитала сопровождалось многочисленными массовыми забастовками во всей Европе. Однако, эти забастовки носили оборонительный характер, почти во всех случаях они заканчивались поражениями рабочих или—в лучшем случае—компромиссом. После отражения первой после войны лобовой атаки пролетариата на власть капитала рабочий класс, естественно, охватывали апатия, разочарование и неверие в возможность немедленной победы.

Это состояние депрессии сказалось прежде всего на положении профессионального движения. Во всех странах профсоюзы значительно ослабели, численность их сократилась ввиду сильного натиска буржуазии и бессилия реформистов отстаивать элементарные интересы рабочих. Это бессилие профсоюзов усилило разочарование рабочего класса. Профессиональные организации в глазах многих рабочих утратили свою притягательную силу, поскольку они не сумели отразить наступление капитала и удержать ранее завоеванные позиции.

Общую оценку этого нового поворота в международном рабочем движении и вытекающие отсюда выводы дал Ленин в своем докладе „Пять лет российской революции и перспективы мировой революции“.

„...Мы почти совершенно не продумали вопроса о возможном отступлении и об обеспечении этого отступления,—говорил Ленин в этом докладе. —А между тем с этим вопросом необходимо считаться в деле переустройства мира, уничтожения капитализма и связанного в такими трудностями создания социалистического строя. Рассчитать, как мы будем действовать, если прямо перейдем в нападение и при этом одержим победу,—этого мало. В революционное время это уж не так трудно, но и не так важно,—по крайней мере, это не есть самое главное. Во время революции бывают такие моменты, когда противник теряется, и если мы на него тогда обрушимся, то можем его легко победить. Но это еще ничего не означает, так как наш противник, если он имеет достаточную выдержку, может заранее собрать силы и проч. Он легко может спровоцировать нас на нападение и затем отбросить на многие годы назад. Вот почему я полагаю, что мысль о том, что мы должны подготовить себе возможность отступления, имеет очень важное значение, и не только с теоретической точки зрения, но также и практически важно, чтобы этот вопрос продумали все партии, которые в ближайшем будущем готовятся перейти в прямое наступление против капитализма, чтобы они предвидели, как обеспечить себе отступление“.

Позиции социал-демократии.

Наступление капитала было возможно лишь в условиях самой активной поддержки со стороны социал-демократических партий и реформистских вождей про-

фессиональных союзов. В социал-демократическом лагере произошли за это время большие сдвиги. В первые годы после войны, в период „бури и натиска“, левые социал-демократы и центристские организации под влиянием масс высказывались даже за диктатуру пролетариата и искали путей к Коммунистическому Интернационалу. Как известно, Коминтерну пришлось в свое время на II конгрессе выработать знаменитые 21 условие для всех рабочих организаций и партий, стремившихся в момент подъема революционного движения перекраситься в красный цвет и вступить в коммунистические ряды. Эти 21 условие сыграли огромную историческую роль в деле ограждения рядов коммунистического движения от чуждых элементов. Последующие события ясно показали, насколько прав был Коминтерн, относясь с величайшей осторожностью и подозрительностью ко всем центристским течениям. Как только революционная волна стала спадать, центристы спешно отступили в лагерь социал-демократии. В этом смысле одним из важнейших событий между III и IV конгрессами было объединение в Германии независимой социалистической партии и социал-демократической партии. Это объединение было первым шагом к слиянию Двухсполовинного Интернационала со II Интернационалом.

Коммунистический Интернационал пытался в течение 1922 г. добиться совместных действий с обоими этими Интернационалами, так как рабочий класс Европы настойчиво требовал объединения всех пролетарских организаций и совместной борьбы против наступления капитала. Ниже мы подробно остановимся на этой борьбе Коминтерна за единство.

Усилия Коминтерна были сорваны правыми социал-демократами при пособничестве центристских и „левых“ организаций. Логическим концом этого подчинения левых был их отказ даже от революционных фраз и слияние с правыми социал-демократическими организациями. Двухсполовинный Интернационал перестал существовать. Но это лишь пошло на пользу рабочему движению. Ленин в своем обращении к IV конгрессу писал: „Объединение Второго и Двухсполовинного Интернационалов принесло пользу революционному движению пролетариата: меньше фикций, меньше обмана,— это всегда полезно для рабочего класса“.

Следует отчетливо понять решающую роль, которую сыграла в этот период социал-демократия: без ее помощи капитализму не удалось бы перейти в наступление на рабочий класс и на Советский Союз. Отказ поддерживать инициативу Коминтерна в деле борьбы против Версальского мира, саботаж пролетарской помощи голодающим рабочим и крестьянам СССР, срыв попыток создать единый фронт пролетарской борьбы и, наконец, прямое пособничество предпринимателям в их наступлении на экономические и политические позиции, завоеванные пролетариатом в первые годы после войны,— таковы примеры „весьма тесной связи между буржуазными правительствами и реформистскими вождями“, о которой говорят тезисы IV конгресса по профсоюзному вопросу.

Естественно, что союз буржуазии и социал-демократии обращался прежде всего против коммунистических партий и революционных профсоюзов.

Для этого необходимо было „единство“ внутри социал-демократии. Само слияние II и Двухсполовинного Интер-

националов, как отмечал IV конгресс, было вызвано необходимостью подготовить почву для систематического похода против коммунистов.

Частью этого общего похода было планомерное раскалывание профсоюзов. Отступая под натиском буржуазии, реформистские вожди вместе с тем повели борьбу против левых оппозиционных элементов, дабы очистить рабочие организации от революционных идей. Они стремились дезорганизовать революционное меньшинство и этим укрепить положение буржуазии. Они не отступали перед исключением не только отдельных групп и лиц, но даже и целых организаций. Так поступили вожди французской Генеральной конфедерации труда. На тот же путь стали реформистские вожди Чехо-Словакии; по их следам шли руководители общегерманского объединения профсоюзов. Интересы буржуазии требовали внесения раскола в профдвижение. Одновременно шло наступление и в международном масштабе. Международные профессиональные объединения систематически исключали революционные профессиональные организации только потому, что последние примыкали к Профинтерну. Такие решения выносили международные съезды горнорабочих, текстильщиков, деревообделочников, строительных рабочих и др.

Это наступление лишь отражало наступление капитала на пролетариат, преследуя те же цели: укрепление капитализма за счет рабочих масс и максимальное ослабление боеспособных элементов, путем исключения их, дабы таким образом лишить их возможности перейти к борьбе за революционный захват власти, к борьбе против господства буржуазии.

Положение в компартиях.

Естественно, что наступление капитала с наибольшей силой обрушилось на коммунистические партии. В самом тяжелом положении оказались коммунисты той страны, где капитализм одержал наиболее решительную победу, где рабочий класс, начавший революцию, потерпел жестокое поражение в результате измены реформистов. В этой стране, в Италии, где в 1920 г. рабочие захватывали фабрики и заводы, где были налицо объективные предпосылки победоносной революции, выступление пролетариата окончилось поражением, так как он не имел руководства, так как не было революционной рабочей партии, т.-е. подлинной коммунистической партии. „Отсутствие революционной рабочей партии,—говорится в резолюции IV конгресса по итальянскому вопросу,—решило судьбу рабочего класса, определило его поражение в этот революционный момент и подготовило теперешнюю победу фашизма. Рабочие массы не нашли в себе достаточно сил, чтобы в этот момент подъема движения захватить власть в свои руки. Вследствие этого, по прошествии известного срока, антипод рабочего класса — буржуазия — в лице своего наиболее энергичного крыла — фашизма — сокрушила рабочий класс и установила белую диктатуру. Итальянский урок имеет колоссальное значение. Нигде с такой наглядностью не обнаружилась колоссальная историческая роль коммунистической партии в мировой революции, как в Италии, где именно отсутствие такой партии дало историческому ходу событий благоприятный для буржуазии оборот“.

Коммунистический Интернационал, правда, имел в то время в Италии свою организацию. Это была социалистическая партия, которая еще в 1919 г. вся целиком присоединилась к Коминтерну. Однако, она находилась в руках центристов, которые не соглашались с требованием Коминтерна очистить партию от правых элементов. Как говорил тов. Зиновьев в своем докладе по итальянскому вопросу, Ленин в письме к Серрати, вождю социалистической партии, писал: „Мы не требуем от вас, чтобы вы тотчас же произвели революцию, мы требуем только, чтобы вы были революционной партией и готовились к революции, исключая из своей среды противников ее — реформистов“.

Серрати уклонился от прямого ответа: „Позвольте мне, — писал он, — ответить на ваш вопрос — терпимы ли реформисты в рядах партии — другим вопросом: кто, собственно, является реформистом“?

Коминтерн, однако, настаивал на том, чтобы все правые элементы были исключены из партии, так как наличие их не давало возможности социалистической партии стать революционным вождем итальянского рабочего класса. В результате, на этой почве в решающий момент — в начале 1921 г. — в партии произошел раскол. Большинство предпочло порвать с Коммунистическим Интернационалом и удержать в партии правых. Коммунистические элементы вышли из организации и создали коммунистическую партию. Таким образом, позиция центристов привела к расколу революционных сил, и это сыграло основную роль в поражении итальянского пролетариата. Лишь в октябре 1922 г. центристы осознали свою глубокую ошибку и на своем съезде постановили

исключить реформистов. Но уже было поздно. Реформисты сделали свое дело. В моменты решающих боев они удержали социалистическую партию от действий и таким образом блестяще прогели свою роль, выполнив задачу, возложенную на них буржуазией. Вожди реформистов открыто хвастали, что им удалось саботировать революцию, оставаясь в рядах социалистической партии и вынуждая ее к бездействию в решающий момент. Будучи к концу концов исключены из партии, они, однако, посеяли чувство разочарования и апатии в массах и понизили боеспособность социалистической партии.

Нужно сказать, что серьезные ошибки были допущены также и молодой коммунистической партией. Освободившись из-под влияния центристских элементов, она удалилась в другую крайность. Вожди ее, во главе с тов. Бордига, отрицали вначале идею единого фронта вообще, а затем ограничивали применение ее только областью экономической и отвергали всякие попытки создать единый политический фронт рабочего класса. Еще более тяжелые последствия для дела революции имела другая сектантская ошибка руководства итальянской компартии. Когда в социалистической партии после раскола началась внутренняя борьба между правым и левым крылом и когда левые, так называемые максималистские элементы, добивались вступления в Коминтерн, вожди компартии, несмотря на требование Коминтерна, всячески боролись против слияния с максималистами. Лишь после долгой борьбы удалось Коминтерну добиться сближения между обеими организациями. Но к тому времени страна уже находилась во власти реакции, революционный момент был упущен. В результате наиболее тяжелые удары

реакции обрушились на коммунистические элементы, и партия вынуждена была уйти в глубокое подполье. И все же объединение не было окончательно завершено, и этим вопросом пришлось заняться на IV конгрессе.

Еще более тяжело было внутреннее положение во французской коммунистической партии. Основным пороком ее было то, что во Франции сразу примкнуло к Коминтерну большинство старой социалистической партии. В результате коммунистическая партия оказалась проникнутой многочисленными социал-демократическими пережитками. Особенно это относилось к парламентской деятельности партии. „...Эволюция нашей французской партии,—говорилось в политической резолюции конгресса по французскому вопросу,—от парламентского социализма к революционному коммунизму происходит с чрезвычайной медленностью, которая объясняется отнюдь не объективными только условиями, традициями, национальной психологией рабочего и пр., но прежде всего прямым и временами чрезвычайно упорным сопротивлением некоммунистических элементов, которые еще очень сильны на верхах партии...“

В отчете о деятельности Исполкома на IV конгрессе тов. Зиновьев сказал, что на III конгрессе слишком мало критиковали французскую партию, и это послужило ей во вред.

В рядах партии были такие элементы, которые по всему складу своей мысли и жизни были связаны с нравами и обычаями буржуазного общества и не способны были ни понять подлинно пролетарскую политику, ни подчиниться революционной дисциплине. На IV конгрессе неожиданно обнаружилось, что многие коммунисты при-

надлежат к буржуазным организациям — к масонским ложам и к Лиге защиты прав человека и гражданина. Ряд ответственных работников компартии принимал участие в буржуазной печати. На верхах партии были элементы, материально связанные с секретными организациями радикальной буржуазии. Во Франции такие нравы в компартии были особенно недопустимы. Рабочие там привыкли смотреть на политические партии как на партии политиканов, и этот взгляд был вполне справедлив, так как деятели социалистических партий думали только о парламенте и всю свою задачу видели в получении парламентских мест. Коммунистическая партия на первых порах своей деятельности не могла показать рабочим, что она вносит новый дух в рабочее движение. IV конгресс констатировал, что значительное число коммунистов, которое составит лучшую часть будущей коммунистической партии, еще находится вне компартии, в рядах профессиональных организаций.

Такая коммунистическая партия не могла, конечно, стать вождем рабочего движения, возглавить забастовочное движение, охватившее всю страну, и бороться за основной лозунг Коммунистического Интернационала в период между III и IV конгрессами, — за лозунг единого фронта. Обстановка во Франции особенно настойчиво диктовала применение этой тактики, но оказалось, что французская секция Коминтерна была самым резким противником ее.

Крайне нерешительная, колеблющаяся, выжидательная политика руководящих элементов партии создавала прикрытие для политики прямого саботажа в вопросах синдикальных, единого фронта, внутрипартийного строи-

тельства и т. д. Это не могло не привести к острому кризису партии.

Троцкий, который был докладчиком по французскому вопросу на IV конгрессе, обрисовывая кризис партии, указывал, что численность ее уменьшается, тираж партийной печати падает, внутренняя жизнь организации становится прозябанием.

Самым резким проявлением кризиса была острая фракционная борьба, в партии установился режим фракций.

134/ Фракционная борьба носила настолько ожесточенный характер, что возникала даже опасность раскола. Исполкому Коминтерна приходилось заниматься вопросами французской партии больше, чем вопросами каких-либо других секций. И на первом и на втором пленуме Исполкома Коминтерна, в феврале и в июне 1922 г., Коминтерн выдержал большую борьбу с делегатами французской партии. На первом пленуме много усилий было потрачено, чтобы разъяснить неправильность точки зрения французских товарищей по вопросу о тактике единого фронта, которую они ограничивали экономической областью. На втором пленуме был принят ряд тезисов о структуре партии, о ее тактике, о дисциплине, о печати, причем большинство французских делегатов воздержалось от голосования по некоторым пунктам. Однако, оздоровление партии не было достигнуто. Поэтому одним из основных вопросов IV конгресса был вопрос о французской партии.

Что касается других важнейших секций Коммунистического Интернационала, то следующие черты были общи почти для всех компартий: чем больше старых социал-демократических элементов было принято в их

ряды, тем сильнее сказывались и пережитки центризма и социал-демократизма; другое характерное явление заключалось в том, что партии, политическое влияние которых в массах усилилось, не возросли в той же мере численно.

Первое замечание относится особенно к французской партии. В такой же мере оно справедливо и в отношении для норвежской партии, которая включила в себя старую Рабочую партию целиком, что обусловило чрезвычайно большие слабости партии. Партия проявляла почти реформистское отношение к правительству, и ее парламентская политика носила социал-демократический характер. В своей структуре партия сохраняла федералистические традиции. Но наиболее резко реформистские настроения выражались в той борьбе, которую партия вела против требований международной дисциплины. Впоследствии именно эта борьба против дисциплины оказалась одной из главнейших причин раскола норвежской партии. Уже на IV конгрессе этот вопрос в отношении норвежской партии стоял очень остро.

Положение в германской партии было наиболее благополучным. На III конгрессе враги Коминтерна говорили о полном распаде германской партии; однако, в промежуток между III и IV конгрессами, германская партия с помощью Коминтерна вышла из тяжелого кризиса, и на IV конгрессе она явилась одной из самых крепких партий. Это сказалось прежде всего в том, что германская партия лучше всего применяла на практике тактику единого фронта. Одним из ее самых серьезных начинаний в этой области была подготовка съезда фабзавкомов. Вместе с тем то явление, что рост политического влия-

ния партий не сопровождался увеличением их численности, было особенно характерно для Германии.

Чешская партия также с успехом проводила тактику единого фронта, и ей удалось привлечь на свою сторону большие группы рабочих, принадлежавших к враждебным организациям. Однако, и этой партии пришлось пройти через внутренний кризис. Внутри партии образовалась оппозиция во главе с семью членами центрального комитета, которая претендовала на критику деятельности партии слева. Она выпустила воззвание к партии с критикой партийной линии, несмотря на запрещение центрального комитета. ЦК ответил на это исключением из партии всей оппозиционной верхушки. Это была очень суровая мера, и она могла создать опасность возникновения новой промежуточной группировки в рабочем движении, что, несомненно, нанесло бы ему величайший вред. Поэтому IV конгрессу пришлось заняться внутрипартийным положением чехо-словацкой партии.

Оценивая общее положение коммунистических партий за этот период, можно констатировать, что за это время в Германии, Чехо-Словакии, Франции, Норвегии возникли, а в некоторых случаях и консолидировались, массовые партии. На этом же пути находилась и коммунистическая партия Италии. Главной же задачей Коминтерна и было создание боевых пролетарских коммунистических партий массового характера, которые могли бы возглавить борьбу рабочих масс. Вместе с тем социал-демократические пережитки и сектантские настроения создавали кризисы в ряде партий. Поэтому, как мы говорили, в повестку конгресса были включены вопросы французской, итальянской, чехо-словацкой и норвежской партий.

Деятельность ИККИ. Тактика единого фронта.

То, что мы говорили выше о положении главнейших партий и о работе Исполкома, показывает достаточно ясно, что деятельность ИККИ за этот период определялась тактикой единого фронта. Тезисы IV конгресса о тактике говорили: „...Остается в полной силе основное требование III всемирного конгресса: добиться распространения коммунистического влияния среди большинства рабочего класса и вовлечения в борьбу его решающей части... Из этого вытекает необходимость тактики единого фронта. Лозунг III конгресса — „к массам“ — в настоящий момент более чем когда-либо остается в силе...“

Тов. Зиновьев в своем отчете на конгрессе указывал, что вся тактика Коминтерна была не чем иным, как практическим приспособлением тактики единого фронта к конкретным условиям отдельных стран.

Начало этой тактики, как определенной линии, восходит к концу 1921 г. Впервые она была применена компартией Германии, где ряд провинциальных организаций самостоятельно пришел к необходимости предложить всем местным рабочим организациям совместные действия для защиты немедленных требований рабочих. В начале января 1921 г. объединенная компартия Германии обратилась ко всем рабочим партиям и организациям с предложением координировать свои действия в борьбе за повышение зарплаты, за создание пролетарских организаций самозащиты, за возобновление сношений с Советской Россией.

К сознанию необходимости этой тактики приходили коммунисты и других стран. Так, ее стали применять и

швейцарские и шведские товарищи, и даже итальянские коммунисты предложили социалистической партии создать единый фронт для организации сборов в помощь голодающим Советской России.

Вся обстановка в Европе в тот момент требовала объединения пролетарских организаций для отпора наступлению предпринимателей. Исполком Коминтерна отмечал, что, под влиянием все усиливающегося натиска капитала, среди рабочих пробудилось стихийное, буквально неудержимое стремление к единству.

Первое предложение Исполкома Коминтерна социалистическим организациям о едином также касалось вопроса об организации международной кампании помощи голодающим в России. Вслед за этим было сделано предложение о единой кампании против белого террора в Юго-славии и Испании.

Декабрьские тезисы о едином фронте.

II Интернационал, Двухсполовинный, а также Амстердамский Интернационал тоже учли настроение масс, стремящихся к единству, и пытались использовать его для создания единого фронта против коммунистов. Необходимо было оказать противодействие попыткам реформистов создать под прикрытием лозунга единства раскол в действиях пролетарских масс. В результате Исполком Коминтерна в середине декабря 1921 г. принял знаменитые „Тезисы о едином фронте рабочих и отношении к рабочим, принадлежащим ко Второму, Двухсполовинному и Амстердамскому Интернационалам, а также и к рабочим, под-

держивающим анархо-синдикалистские организации", которые легли в основу коминтерновской тактики единого фронта.

Историческое значение этих тезисов весьма велико. Они являются одним из основных документов Коммунистического Интернационала, и поэтому мы остановимся на их содержании.

Прежде всего, тезисы констатируют небывалую тягу рабочих к единству перед лицом наступления капитала. Значительные слои рабочих настаивают на объединении всех рабочих партий и организаций. С одной стороны, они уже начинают требовать соглашения с коммунистами, но, с другой стороны, они еще поддерживают партии и организации II и Амстердамского Интернационалов.

Стремление широких рабочих масс к единству существовало, собственно, всегда, и реформистские вожди использовали его для того, чтобы противодействовать всякой борьбе изнутри против предательского руководства. Под лозунгом единства они пытались восстановить рабочие массы против коммунистов в период возникновения коммунистических партий. Они стремились изобразить коммунистов раскольниками; действительно, вначале коммунистические партии выступали перед рабочим классом в роли раскольников, и это имело свои основания. Коминтерн должен был в интересах рабочего класса пойти на раскол существовавших политических организаций. Оставаясь в их рядах, коммунисты не имели бы возможности добиться идейной независимости, не могли бы сказать рабочему классу правду. Необходимо было расколоть старые социал-демократические партии и создать базу для подлинного освободительного дви-

жения пролетариата. Эта задача была выполнена, эта база была создана образованием компартий. И для этого коммунисты должны были тогда идти на то, чтобы их называли раскольниками.

„Однако, теперь,— говорил т. Зиновьев в своем докладе на IV конгрессе,— наступил новый исторический период. Эту задачу мы уже выполнили. У нас есть коммунистические партии,— правда, с остатками социал-демократии, с детскими болезнями, болезнями роста и всевозможными другими недугами, от которых мы теперь должны будем их вылечить. Но в настоящий момент на очереди стоит, прежде всего, привлечение в наши ряды большинства рабочих, спасение и завоевание профессиональных союзов — этого важнейшего орудия в руках мирового пролетариата. Вот чем вызвана тактика единого фронта“.

Давление масс заставляло и вождей II Интернационала выступить с лозунгами единства. Поэтому перед Коминтерном стояла задача взять инициативу в свои руки. Указывая на это, декабрьские тезисы отмечают, что новая тактика, по существу, вытекает из лозунга III конгресса „К массам“ и что поэтому лозунг единого рабочего фронта следует поддерживать в общих интересах коммунистического движения.

Дальше тезисы рисуют положение важнейших стран, указывая, как должна применяться тактика единого фронта в каждой из них.

При этом тезисы подчеркивают, что „главным условием, которое является общим для коммунистических партий всех стран и безусловно ультимативным, Исполком Коминтерна считает абсолютную самостоятельность

и полную независимость каждой коммунистической партии, вступающей в то или другое соглашение с партиями II и Двухсполовинного Интернационалов в изложении своих взглядов и в критике противников коммунистов. Налагая на себя дисциплину выступления, коммунисты должны при этом обязательно сохранить за собой право и возможность не только до и после выступления но, если нужно, и во время него высказывать свое мнение о политике всех без исключения организаций рабочего класса. Отказ от этого условия недопустим ни при каких обстоятельствах. Поддерживая лозунг максимального единства всех рабочих организаций в каждом практическом действии против капиталистического фронта, коммунисты вместе с тем ни в коем случае не могут отказаться от изложения своих взглядов, которые одни только являются последовательным выражением защиты интересов рабочего класса в его целом“.

Далее тезисы говорят о прошлом опыте большевистской партии, которая „не переставала вести неустанную борьбу против реформизма... Но вместе с тем... русские большевики не раз заключали и соглашения с меньшевиками“. Тезисы приводят ряд примеров этого и подробно излагают положение в России после ленских стачек, когда среди рабочих масс наблюдалось особенно усиленное стремление к единству, которым вожди-дипломаты русского меньшевизма пытались тогда воспользоваться для своих целей приблизительно так же, как это пытаются сделать вожди II, Двухсполовинного и Амстердамского Интернационалов. Русские большевики не ответили на тогдашнее стремление рабочих к единству отказом от какого бы то ни было единого фронта. Напротив,

в противовес дипломатической игре вождей меньшевиков, русские большевики выдвинули лозунг „единства снизу“, т. е. единства самих рабочих масс в практической борьбе за революционные требования рабочих против капиталистов. Практика показала, что это был единственный правильный ответ. И в результате этой тактики, которая видоизменялась в зависимости от обстоятельств времени и места, громадная часть лучших рабочих-меньшевиков постепенно была завоевана на сторону коммунизма.

Тезисы указывают затем, что, допуская соглашение отдельных секций Коминтерна с партиями II Интернационала, Коминтерн, само собой разумеется, не может отказаться от таких соглашений и в международном масштабе. Отмечая четыре предложения, сделанные за последнее время Коминтерном II Интернационалу, а именно — в связи с помощью голодающим России, с белым террором против рабочих Испании и Югославии и, наконец, в связи с Вашингтонской конференцией капиталистических держав, явившейся шагом к новой войне, тезисы подчеркивают, что реформистские вожди на деле отказывались всегда от своего лозунга единства, когда вопрос шел о практических действиях. Этот отказ не заставит, конечно, Коминтерн отступить от своей тактики. Он лишь должен быть доведен до сведения масс, чтобы они знали, кто является действительным нарушителем единого рабочего фронта.

В конце тезисов говорится о тех опасностях для компартий, которые могут возникнуть при проведении этой тактики. Так как не все партии достаточно окрепли, так как многие не порвали окончательно с центристской

идеологией, то при проведении этой тактики возможны у них оппортунистские тенденции, возможно растворение компартий в бесформенном едином блоке.

Как мы уже знаем из предыдущего изложения и как они увидим из дальнейшего, эта опасность была весьма реальна. Иногда единый фронт понимали как простую предвыборную комбинацию. В других случаях считали, что он должен приводить к организационному объединению социал-демократии, что, конечно, было абсолютно неправильно и отнюдь не предусматривалось тактикой единого фронта. Такое понимание единого фронта приводило к тому, что во многих партиях сильно сопротивлялись новой линии Коминтерна. Были такие товарищи, которые не понимали, как можно вступать в какие бы то ни было переговоры с социал-демократами, которых мы сами кляли как предателей. В этом непонимании сказывались молодость коммунистических партий, отсутствие у них гибкости, неумение маневрировать. Тов. Зиновьев на IV конгрессе говорил: „Ответы товарищей итальянской и французской партий доказали, что, как это ни странно, многие товарищи истолковывают тактику единого фронта как готовность с нашей стороны слиться с социал-демократами. Это было бы величайшим преступлением. Любой из нас согласится скорее лишиться руки, чем объединиться с величайшими предателями рабочего класса, которые теперь являются нашими открытыми врагами и последней опорой буржуазии. Нет, не в этом заключается единый фронт. Единый фронт — это движение рабочих масс в их повседневной классовой борьбе. Единый фронт должен означать, что мы готовы совместно со всеми рабочими — анархистами и синдикали-

стами, социал-демократами и христианскими социалистами—вести борьбу против капитализма и капиталистов, повседневную борьбу за кусок хлеба, против сокращения заработной платы и упразднения 8-часового рабочего дня. Ради этого мы иногда миримся с необходимостью сидеть за одним столом с предательскими вождями. В этом, а не в чем-нибудь ином заключается тактика единого фронта“.

Эти слова были произнесены на IV конгрессе. Они ясно показывают, что Коминтерну пришлось преодолеть сильное сопротивление со стороны ряда партий при установлении своей тактики.

Приняв тезисы о едином фронте, ИККИ распространил их во всех партиях и, в виду большой важности вопроса, решил обсудить их на заседании Исполкома в полном составе с привлечением делегатов от партий. Это совещание получило название расширенного пленума Исполкома Коминтерна. Как известно, оно затем прочно вошло в структуру Коминтерна.

Первый расширенный пленум (февраль-март 1922 г.), на который съехалось 105 делегатов от 36 стран, представлял собой, по существу, небольшой конгресс.

В развернувшейся дискуссии выяснилось, что французские, итальянские и испанские товарищи были против новой тактики. Представители французской партии предлагали ограничить единый фронт узкой областью экономических вопросов. Итальянские делегаты признавали единый фронт лишь в области профсоюзов. Однако, подавляющее большинство пленума высказалось за тезисы в целом, и французы, итальянцы и испанцы заявили о своем подчинении принятым решениям.

В связи с вопросом о едином фронте на пленуме обсуждалось также и первое серьезное выступление Коминтерна в области единого фронта в международном масштабе. Мы уже говорили о том, что Коминтерн не раз обращался ко II Интернационалу с предложением о совместных действиях. В этот период в различных кругах как коммунистических, так и социалистических партий выдвигалась идея о созыве международного конгресса всех рабочих партий. И вот Двухсполовинный Интернационал обратился к III и II Интернационалам с предложением о созыве совместной международной конференции для обсуждения вопроса борьбы с наступлением капитала и реакцией.

Пленум решил принять эти предложения, но потребовал дополнить повестку вопросами о борьбе против новой империалистической войны, о восстановлении Советской России, о репарациях и Версальском мире. Затем пленум предложил расширить состав конференции и пригласить на нее представителей Профинтерна, Амстердамского Интернационала профсоюзов, синдикалистов и независимых профессиональных организаций.

Совещание трех Интернационалов.

В результате в начале апреля в Берлине состоялось предварительное совещание делегаций трех Интернационалов. На этом совещании происходила жестокая борьба между представителями II и III Интернационалов. Реформистские вожди, вынужденные к переговорам давлением масс, с самого начала стремились сорвать соглашение. В качестве предварительных условий какого бы то ни было соглашения они выдвинули ряд требований: гаран-

тий против тактики создания фракции профсоюзов, „вывод“ Красной армии из Грузии; обещание не выносить смертных приговоров на процессе эсэров, который должен был вскоре начаться в Москве, и допущение присутствия на этом процессе представителей всех трех Интернационалов. Вместе с тем они отказались обсуждать вопрос о пересмотре Версальского мира. Радек, выступая на этой конференции, говорил: „Вы пришли на эту конференцию, потому что вы были вынуждены к этому; вы были орудием всемирной реакции, и теперь вы должны, хотите ли вы или нет, стать орудием борьбы за интересы пролетариата... Мы хотим попытаться бороться совместно, не из любви к вам, а во имя неслыханной нужды дня, которая побуждает нас и которая вас побуждает здесь, в этом зале, совещаться с теми самыми коммунистами, которых вы трактовали как преступников. Вы не возбудили ни одного вопроса, не указали ни на одно условие этой борьбы против капитала, вы занимались тем, что ставили нам условия“.

Только благодаря решительному выступлению делегатов Коминтерна делегаты Двухсполовинного Интернационала временно примкнули к Коминтерну, и II Интернационал не решился взять на себя ответственность за срыв единого фронта. Была принята резолюция о созыве в ближайшем будущем всеобщей конференции. При этом, однако, делегатам Коминтерна пришлось пойти на серьезные уступки. Они сделали заявление о том, что процесс эсэров будет вестись при открытых дверях и что смертные приговоры не будут вынесены.

Решено было 20 апреля или 1 мая провести международные демонстрации со следующими лозунгами: „За

восьмичасовой рабочий день“; „За борьбу с безработицей“; „За единую борьбу пролетариата с наступлением капитала“; „За русскую революцию, за голодающую Россию, за восстановление политических и экономических сношений всех государств с Россией“; „За организацию единого пролетарского фронта в каждой стране и во всем мире“.

Была назначена подготовительная комиссия в составе трех представителей от каждого Интернационала. Решено было созвать в ближайшем будущем всеобщую конференцию.

Однако, несмотря на то, что Коминтерн пошел, как мы говорили выше, на серьезные уступки, несмотря на то, что впоследствии Коминтерн согласился вычеркнуть из принятой уже общей платформы лозунг о поддержке Советской России, несмотря на то, что состоявшиеся 20 апреля и 1 мая массовые демонстрации в разных странах подтвердили волю масс к единой борьбе на основе выдвинутых лозунгов,— реформисты все же сорвали соглашение. Вначале они отклонили предложение приурочить созыв конференции ко времени работ Генуэзской конференции, на которой империалистические державы пытались вынудить РСФСР на капитуляцию. Этим они хотели помешать организовать давление международного пролетариата на империалистические правительства Европы. Затем, еще до первого заседания подготовительной комиссии, состоялась конференция нескольких социалистических партий, на которой решено было созвать конференцию всех социалистических партий без участия коммунистов. Таким образом, II и Двухсполовинный Интернационалы отказывались от всякого выступления совместно с Коминтерном и добивались единого фронта

так, как они его понимали, — единого фронта против коммунистов. Состоявшееся 23 мая заседание подготовительной комиссии уже ни к чему не могло привести, и первое же заседание окончилось разрывом.

Несмотря, однако, на неуспех этой попытки Коминтерна добиться совместного выступления трех Интернационалов, она имела все же положительные результаты.

Ленин в своей статье „Мы заплатили слишком дорого“ (9 апреля 1922 г.¹⁾) писал: „Мы должны иногда делать уступки, но требовать от своих врагов также соответствующих уступок. Несмотря на ошибки наших представителей, Коминтерну все же удалось пробить брешь в стене, отгораживающей от нас тех рабочих, которые все еще находятся в плену у реформистов, и через тактику единого фронта мы докажем пролетариату правильность наших действий и разоблачим реформистов“.

Ленин писал дальше в этой статье, что представители Коминтерна на этой конференции поступили неправильно, согласившись на то, что советская власть не применит смертной казни по делу эсэров и разрешит присутствовать на суде представителям всех трех Интернационалов. Это не значит, однако, что нужно было отказываться от возможности добиться соглашения „...Лучше заплатить дорого, — говорится дальше в статье, — по крайней мере, пока мы не научимся как следует торговаться, — чем отказаться от возможностей выступить со своим словом перед рабочими, которые до сих пор были в исключительном, так сказать, „обладании“ реформистов...“

И Коминтерн проводил свою тактику дальше. Когда выяснилось окончательно, что реформисты решительно откло-

¹⁾ Том XX дополнительной, ч. II, стр. 501.

няют всякие попытки осуществить международное единство, Исполком созвал в июне второй расширенный пленум ИККИ, на котором были обсуждены итоги берлинского совещания. Было единогласно установлено, что, несмотря на саботаж реформистов, предпосылки единого фронта продолжают оставаться в силе и играют даже еще большую роль, чем раньше.

Вместе с тем пленум констатировал, что некоторые партии — французская, итальянская, норвежская — эту тактику не проводили или применяли ее только частично. Поэтому пленум уделил особое внимание положению в этих секциях и в принятых резолюциях требовал применения единого фронта повсюду.

Следует отметить, что противники теории единого фронта в своей борьбе против нее пытались использовать ошибки берлинского совещания.

По поводу этой позиции В. И. Ленин в той же статье писал:

„Возможно, что итальянские коммунисты и часть французских коммунистов и синдикалистов, которые были против тактики единого фронта, сделают из вышеприведенных рассуждений тот вывод, что тактика единого фронта ошибочна. Этот вывод будет явно неправилен. Если уполномоченные коммунистов заплатили слишком дорого за вход в помещение, в котором они имеют некоторую, хотя и небольшую, возможность обратиться к рабочим, донныне находящимся в исключительном „обладании“ реформистов, то надо стараться исправить эту ошибку в следующий раз. Но несравненно большей ошибкой был бы отказ от всяких условий и от всякой платы за то, чтобы проникнуть в это довольно крепко охраняемое

запертое помещение... Величайшая ошибка итальянских коммунистов, части французских коммунистов и синдикалистов состоит в том, что они удовлетворяются тем знанием, которое есть у них. Они удовлетворяются тем, что они хорошо знают, что представители II и Двухполовинного Интернационалов, а также господа Пауль Леви, Серрати и т. п. являются искуснейшими уполномоченными буржуазии и проводниками ее влияния. Но таких людей и таких рабочих, которые знают это действительно твердо и действительно понимают значение этого — несомненно, меньшинство и в Италии, и в Англии, и в Америке, и во Франции. Коммунисты не должны вариться в собственном соку, а научиться действовать так, чтобы, не оставаясь перед известными жертвами, не боясь неизбежных в начале всякого нового и трудного дела ошибок, проникать в запертое помещение, где воздействуют на рабочих представители буржуазии. Коммунисты, которые не захотят понять этого и не захотят научиться этому, не могут надеяться приобрести большинство среди рабочих или, во всяком случае, они затрудняют и замедляют дело приобретения такого большинства. А это уже для коммуниста и для тех действительных сторонников рабочей революции вещь совершенно непростительная... Ради того, чтобы этим массам помочь бороться против капитала, помочь понять „хитрую механику“ двух фронтов во всей международной экономике и во всей международной политике, ради этого мы тактику единого фронта приняли и проведем до конца“.

Работа коминтерновской делегации на берлинском совещании была одобрена пленумом против голосов большинства французской делегации.

Этим был закончен первый этап тактики единого фронта, когда наряду с предложениями о единстве снизу, которое самостоятельно проводили на местах как целые партии, так и отдельные их организации, с такими же предложениями в международном масштабе, обращенными к желтым Интернационалам, выступал Коминтерн в целом. Хотя, как мы только что указали выше, эти предложения кончились неудачей, причем этому немало способствовали сами партии, они все же сыграли свою роль. Значение их заключалось в том, что перед широкими рабочими массами в роли раскалывателей выступали не коммунистические партии, а их противники.

Как отметил тов. Зиновьев в своем докладе на IV конгрессе, эта тактика была, в сущности, первой попыткой международной кампании, предпринятой Исполкомом в крупном масштабе. „Вам известно,—говорил т. Зиновьев,— что Коминтерн должен быть Интернационалом активным, Интернационалом действия, централизованной мировой коммунистической партией. В принципе все это совершенно верно, и мы должны на этом настаивать, но для того, чтобы провести это в жизнь, нам еще предстоит много лет работы. Довольно легко принять резолюцию, в которой говорится, что мы должны организовать международные выступления, гораздо труднее осуществить ее на практике... потому что наши партии еще слишком разнородны, потому что они в некоторых случаях еще не коммунистичны и еще не успели изжить свою социал-демократическую закваску...”

Другими международными выступлениями за это время были кампании в пользу Помгола и в связи с процессом эсэров.

Другие вопросы деятельности Коммунистического Интернационала.

Таким образом, в центре внимания Коминтерна за отчетный период стояли проблема единого фронта и вопросы ряда крупнейших партий — французской, итальянской, чехо- словацкой и норвежской. Наряду с этим важнейшими вопросами деятельности Коминтерна за это время были: подготовка программы Коммунистического Интернационала; руководство работой профессиональных союзов в связи с созданием и развертыванием деятельности Профинтерна (первый конгресс состоялся в июле 1921 г.), одним из важнейших начинаний которого было создание международных революционных комитетов пропаганды, объединявших революционные элементы различных профсоюзов по производствам; и наконец, работа Коминтерна в восточных странах. Крупным событием в этой области был съезд революционных организаций Дальнего Востока, происходивший в Москве и Петрограде в январе — феврале 1922 г. На этом съезде присутствовало 148 делегатов от революционных организаций всех дальневосточных стран. Одним из главнейших вопросов съезда было обсуждение итогов Вашингтонской конференции империалистических держав, которая подготавлиала наступление империалистов на страны Дальнего Востока.

Этот съезд сыграл большую роль в развитии революционно-освободительного и политического движения Китая, Японии и Кореи. Одновременно с ним были проведены съезды революционной молодежи и трудящихся женщин Дальнего Востока.

II. Работа IV конгресса.

Деятельность Коминтерна между III и IV конгрессами определила содержание работы последнего. Время его созыва и повестка были определены вторым расширенным пленумом, который постановил приурочить работы IV конгресса к пятой годовщине Октябрьской революции и выработал следующий порядок дня: 1) доклад Исполкома; 2) тактика Коммунистического Интернационала; 3) программа Коммунистического Интернационала и его германской, французской, итальянской, чехо-словацкой болгарской, норвежской, северо-американской и японской секций; 4) аграрный вопрос; 5) вопрос о профсоюзах; 6) педагогическая работа; 7) вопросы организации молодежи и 8) восточный вопрос.

Конгресс собрался в назначенный срок и утвердил предложенную повестку, причем она была дополнена докладами Ленина, Цеткин и Бела Куна на тему „Пять лет русской революции и перспективы мировой революции“, Троцкого—„О нэпе“, Радека—„О наступлении капитала“, а также вопросами о французской, итальянской, чехо-словацкой и норвежской партиях. Затем в повестку был включен весьма важный вопрос—о структуре Исполкома.

Тактика единого фронта.

Основным содержанием работ IV конгресса был, естественно, вопрос о тактике единого фронта.

После широких прений по докладу Зиновьева „О деятельности Коминтерна и о его дальнейшей тактике“ были единогласно приняты специальные тезисы, которые прежде

всего подтверждали тезисы III конгресса и, давая анализ международного политического положения, выдвигали тактику единого фронта как основную задачу Коминтерна. В резолютивной части тезисов говорилось:

„Применение тактики единого фронта означает, что коммунистический авангард идет впереди в повседневной борьбе широких масс за их ближайшие жизненные интересы. Для этой борьбы коммунисты готовы даже вести переговоры с предательскими вождями социал-демократов и амстердамцев. Попытки II Интернационала истолковать единый фронт как организационное слияние всех „рабочих партий“, конечно, должны быть категорически отвергнуты. Попытки II Интернационала под флагом единого фронта вобрать в себя более левые рабочие организации („слияние“ социал-демократов и независимых в Германии) фактически означают не что иное, как возможность для социал-демократических вождей предать буржуазии новые рабочие массы.

Существование самостоятельных коммунистических партий и их полная свобода действий по отношению к буржуазии и контр-революционной социал-демократии является важнейшим историческим достижением пролетариата, от которого коммунисты ни в коем случае не откажутся. Только коммунистические партии отстаивают интересы всего пролетариата в целом.

Точно также тактика единого фронта отнюдь не означает т. н. „предвыборной комбинации“ верхов, преследующей те или иные парламентские цели.

Тактика единого фронта является не чем иным, как предложением коммунистов вести совместную борьбу со всеми рабочими, принадлежащими к другим партиям или

группам, и со всеми беспартийными рабочими во имя защиты элементарных жизненных интересов рабочего класса против буржуазии. Всякое выступление за самое ничтожное повседневное требование является источником революционного просвещения и революционного воспитания, ибо опыт этой борьбы убедит трудящихся в неизбежности революции и в значении коммунизма.

Особенно важной задачей при применении тактики единого фронта является достижение не только агитационных, но и организационных результатов. Необходимо использовать каждый случай для создания организационных точек опоры непосредственно среди рабочих масс (фабрично-заводские комитеты, контрольные комиссии из рабочих всех партий и беспартийных, комитеты действия и т. д.).

Основной задачей тактики единого фронта является агитационное и организационное объединение рабочих масс. Истинное осуществление тактики единого фронта может исходить только „снизу“, непосредственно из самых глубин рабочих масс. При этом, однако, коммунисты при некоторых условиях не могут отказываться от переговоров с вождями враждебных рабочих партий, но массы постоянно должны быть вполне осведомлены о ходе этих переговоров. Тем не менее и во время переговоров с вождями самостоятельность коммунистической партии и ее агитации не может быть подвергнута ограничению.

Само собою разумеется, что тактика единого фронта в различных странах должна применяться в различных формах, соответственно конкретным условиям. Но в тех случаях, когда в важнейших странах объективные условия уже созрели для социалистического переворота, и когда

социал-демократические партии, руководимые контр-революционными вождями, сознательно стремятся к расколу рабочего класса,—в этих случаях тактика единого фронта будет иметь решающее значение для целой эпохи“.

Лозунг рабочего правительства.

Новой важной мыслью тезисов, в связи с тактикой единого фронта, была мысль о лозунге рабочего правительства. Лозунг этот представлял собой известное конкретное применение тактики единого фронта при наличии определенных благоприятных условий, и поэтому он не мог носить такого общего характера, как лозунг единого фронта. Если и сама тактика единого фронта была сопряжена с некоторыми опасностями оппортунистических извращений, то это тем более относилось к лозунгу рабочего правительства, так как он мог посеять парламентские иллюзии. Поэтому Коминтерн должен был разъяснить, что если при стечении исключительных обстоятельств возможен приход к власти мирным парламентским путем рабочего правительства, опирающегося на формальное большинство, то такое правительство может лишь явиться переходной ступенью к диктатуре пролетариата, и оно ни в коем случае не будет означать возможности избежания гражданской войны.

Смысл этого лозунга,—так, как он выдвигался Коминтерном,—заключался в том, чтобы противопоставить попыткам социал-демократов создать коалиционное правительство буржуазии,—коалицию всех рабочих партий для борьбы с буржуазной властью. Рабочее правительство, возникшее на основе парламентского большинства,

отнюдь не должно рассматриваться как самоцель, его задачи — вооружить пролетариат, обезоружить буржуазные контр-революционные организации, ввести контроль над производством, переложить всю тяжесть налогов на имущие классы и сломить сопротивление контр-революционной буржуазии. Таким образом, главная цель рабочего правительства — это поднять революционное рабочее движение. Само собой понятно, что такая политика неизбежно должна будет привести к ожесточенной борьбе, гражданской войне с буржуазией.

Тезисы Коминтерна предусматривали возможность образования рабочего правительства совместно с некоммунистическими рабочими партиями. Однако, необходимым условием для этого являются проведение рабочим правительством революционной политики в вышеуказанном смысле. Предпосылкой участия коммунистов в таком правительстве должно быть сохранение полной самостоятельности агитации компартии и ее строжайший контроль над коммунистами, входящими в правительство.

Эта политика обуславливается тем, что подавляющая масса рабочих еще не осознала необходимости диктатуры пролетариата. Коммунисты поэтому на известных условиях и при известной гарантии могут поддерживать даже и некоммунистическое рабочее правительство, заявляя при этом, что оно не может быть ни достигнуто, ни сохранено без революционной борьбы против буржуазии.

Тезисы говорили о различных возможных типах рабочего правительства: „рабочее“ правительство с либеральной политикой (Англия), социал-демократическое „рабочее“ правительство (Германия), рабоче-крестьянское

правительство, которое может возникнуть на Балканах, социал-демократическо-коммунистическое коалиционное правительство, и, наконец, подлинное пролетарское рабочее правительство, состоящее только из коммунистов. Либеральное и социал-демократическое „рабочее“ правительства являются таковыми только по названию. Рабоче-крестьянское и социал-демократическо — коммунистическое правительства еще не означают диктатуры пролетариата, но являются важной исходной точкой для завоевания такой диктатуры; и только правительство, состоящее из коммунистов, может быть подлинным рабочим правительством, может быть законченной диктатурой пролетариата.

Приняв тезисы о едином фронте, конгресс решил присоединить к ним в качестве приложения декабрьские тезисы Исполкома.

Обращение ко II Интернационалу.

IV конгресс также провел одно выступление за единый фронт. В дни его работы в Гааге заседал „Международный конгресс мира“, созданный Амстердамским Интернационалом Профсоюзов для обсуждения мероприятий против опасности войны. На конгрессе присутствовали также и представители профсоюзов СССР. И вот IV конгресс обратился с письмом к Гаагскому съезду и одновременно ко II и Двухсполовинному Интернационалам, предлагая образование единого фронта.

Это письмо прежде всего констатировало, что основным лозунгом Коммунистического Интернационала в настоящий момент является борьба за единый фронт и объ-

единение для совместной защиты всех пролетариев без различия политических взглядов.

Письмо указывало затем, что представители II и Двухсполовинного Интернационала отклонили предложение о созыве всемирного рабочего конгресса.

Со времени этого прошло шесть месяцев, которые показали, что во всех странах буржуазия продолжает свое наступление на рабочий класс.

За это же время выяснилось, что буржуазия продолжает дальше вооружаться и готовит новые войны.

„Поэтому,— говорится в письме,— IV конгресс обращается к рабочим, принадлежащим ко II и Двухсполовинному Интернационалам, к миллионам организованных в профсоюзы рабочих всего мира, к их вождям, к Гаагской конференции с вопросом о том, останутся ли они бездеятельными перед лицом того, что буржуазия уничтожает 8-мичасовой рабочий день, снижает жизненный уровень рабочих, уничтожает элементарные права рабочего класса, создает свою диктатуру и готовит новую войну“.

Письмо призывает всех рабочих подняться на борьбу против этого наступления буржуазии.

Далее письмо обращается с вопросом ко II и Двухсполовинному Интернационалам, согласны ли они „после того, как благодаря их политике еще больше ухудшилось положение рабочего класса, протянуть руку для создания единого фронта международного пролетариата для борьбы за элементарные права и интересы рабочего класса... IV конгресс Коминтерна обращается с вопросом к Гаагской конференции профсоюзов и кооперативов... готова ли она совместно с нами показать буржуазии

посредством выступления рабочего класса, что международный пролетариат не позволит больше без сопротивления вовлечь себя в новую бойню“.

Заявляя, что Коминтерн не ожидает от II Интернационала, что он будет бороться за диктатуру пролетариата, письмо продолжает: „Но мы спрашиваем вас, хотите ли вы бороться против диктатуры капитала, хотите ли вы, по крайней мере, использовать остатки демократии, чтобы организовать сопротивление победе того капитала, который превратил мир в могилу?“

В конце письма были приведены ближайшие лозунги, на которых могут быть объединены самые широкие рабочие массы.

В этом письме отражалась вся тактика IV конгресса в отношении с.-д. и беспартийных рабочих. Оно показало вместе с тем, что все работы конгресса были проникнуты духом единого фронта. К проблемам единого фронта пришлось возвращаться и при обсуждении положения в партиях.

Доклад Ленина.

Следующим вопросом работы конгресса были доклады о русской революции. Эти доклады, сделанные в дни пятилетней годовщины Октябрьской революции, являлись как бы отчетом ВКП(б) перед представителями мирового пролетариата. Как мы уже говорили, основной доклад был сделан Лениным. Это было одним из его последних публичных выступлений вообще и последним выступлением в Коминтерне. Легко себе представить, как деятели международного коммунистического движения слушали

Ленина, когда он вновь после долгого перерыва, вызванного болезнью, появился в их среде.

Несмотря на то, что доклад был краткий — Ленин еще не оправился от болезни — и в основном был посвящен положению в Советской России, несмотря на это, коснувшись всего лишь несколькими словами положения в Коминтерне, Ленин оставил Коминтерну в этом своем последнем выступлении ряд важнейших мыслей.

Первую из них мы передали выше. Это была мысль о том, что компартии, которые готовятся в ближайшем будущем перейти в прямое наступление против капитализма, должны предвидеть, как обеспечить себе и отступление. Ленин говорил о необходимости собирания сил, о тех стратегических задачах, которые в конечном счете определили необходимость тактики единого фронта. Вторая мысль заключалась в том, что иностранные партии должны пользоваться русским опытом, однако, это необходимо делать очень умело. Для иллюстрации этой мысли Ленин привел пример из истории одной коминтерновской резолюции: „В 1921 г., — сказал он, — на III конгрессе мы приняли одну резолюцию — об организационном построении коммунистических партий и о методах и содержании их работы. Резолюция прекрасна, но она почти насквозь русская, т. е. все взято из русских условий. В этом ее положительная сторона, но также и отрицательная. Отрицательная потому, что я убежден, что почти ни один иностранец прочесть ее не может, — я эту резолюцию вновь перечитал перед тем, как это сказать. Во-первых, она слишком длинна, в ней 50 или больше параграфов. Во-вторых, если они ее даже прочтут, то никто из них ее не поймет, — именно

потому, что она слишком русская. Не потому, что она написана по-русски—она прекрасно переведена на все языки,—но она насквозь проникнута русским духом. И в-третьих, если в виде исключения какой-нибудь иностранец ее поймет, то он не сможет ее выполнить. Я беседовал с некоторыми прибывшими сюда делегатами и надеюсь в дальнейшем ходе конгресса подробнее поговорить со многими из них. У меня создалось впечатление, что мы совершили с этой резолюцией большую ошибку, что мы сами отрезали себе путь к дальнейшему успеху. Как я уже говорил, резолюция составлена прекрасно, я подписываюсь под всеми ее 55 или больше параграфами. Но мы не поняли, как следует подходить к иностранцам с нашим русским опытом. Все сказанное в резолюции осталось мертвой буквой. Но если мы этого не поймем, мы не сможем продвинуться дальше“.

Третья мысль Ленина была о необходимости учебы для иностранных партий революционной учебы.

„Я полагаю, что самое важное для нас всех, как для русских, так и для иностранных товарищей, то, что мы после 5 лет российской революции должны учиться. Мы теперь только получили возможность учиться. Я не знаю, как долго эта возможность будет продолжаться, и не знаю, как долго капиталистические державы предоставят нам возможность учиться. Но каждый момент, свободный от боевой деятельности, от войны, мы должны использовать для учебы... Учиться также должны и иностранные товарищи. Правда, не в том смысле, как учимся мы — читать, писать и понимать прочитанное, в чем мы еще нуждаемся... Иностранцам этого не нужно. Им нужно уже нечто более высокое: сюда относится

прежде всего и то, чтобы они также поняли, что мы писали об организационном построении коммунистических партий и что иностранные товарищи подписали, не читая и не понимая. Это должно стать их первой задачей. Необходимо привести эту резолюцию в исполнение. Этого нельзя сделать за одну ночь, это абсолютно невозможно. Резолюция слишком русская, она отражает российский опыт, поэтому она иностранцам совершенно непонятна, и они не могут удовлетвориться тем, что повесят ее, как икону, в угол и будут на нее молиться. Этим ничего достигнуть нельзя. Они должны воспринять часть русского опыта. Как это произойдет, этого я не знаю. Может быть, нам окажут большие услуги, например, фашисты в Италии, тем что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены и что их страна еще не гарантирована от черной сотни. Может быть, это будет очень полезно. Мы, русские, должны тоже немного попытаться разъяснить иностранцам основы этой резолюции. Иначе они не в состоянии эту резолюцию выполнить. Я убежден в том, что мы должны в этом отношении сказать не только русским, но и иностранным товарищам, что важнейшее в наступающий теперь период — это учеба. Мы учимся в общем смысле. Вы же должны учиться в специальном смысле, чтобы постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы“.

Несмотря на то тяжелое положение, в котором находилось рабочее движение за этот период, несмотря на то, что ряд компартий был в состоянии острого кризиса, доклад Ленина был проникнут бодростью и верой в победу революции. Кратко обрисовав международное по-

ложение и указав на те ошибки, которые совершает и большевистская партия и другие компартии, Ленин заявил: „Я думаю, что не будет преувеличением, если я повторю, что наши глупости—еще ничто по сравнению с теми глупостями, которые совершают вкуче капиталистические государства, капиталистический мир и II Интернационал. Поэтому я полагаю, что перспективы мировой революции—тема, которой я должен вкратце коснуться,—благоприятны. И при одном определенном условии, я полагаю, они станут еще лучшими“. Под этими условиями Ленин имел в виду необходимость правильного усвоения русского опыта и необходимость учебы—о чем мы говорили выше. „Если это совершится (т.-е. если эти условия будут соблюдены), тогда, я убежден, перспективы мировой революции будут не только хорошими но и превосходными“.

По докладу Ленина и содокладам Цеткин и Бела Куна, говоривших о значении русской революции, и по докладу Троцкого, подробно изложившего практику новой экономической политики, конгрессом была принята „Резолюция о русской революции“. Эта резолюция констатировала первые успехи в области восстановления хозяйства Советской России и подчеркнула, что политика Советской России обеспечила и укрепила важнейшую предпосылку для образования и развития коммунистического строя: „советскую власть, советский строй, т.-е. диктатуру пролетариата“. Далее резолюция отмечала, что „русские пролетарии полностью выполнили перед мировым пролетариатом свой долг передовых борцов за революцию. Мировой пролетариат должен, наконец, в свою очередь, выполнить свой долг. Во всех странах

рабочие, обездоленные и поработанные, должны активно проявлять свою моральную, экономическую и политическую солидарность с Советской Россией. Не только международная солидарность, но их собственные интересы должны побудить их предпринять для этой цели ожесточенную борьбу против буржуазии и капиталистического государства. Во всех странах они должны выдвинуть следующие лозунги: руки прочь от Советской России, юридическое признание Советской России, всесторонняя и реальная поддержка ее хозяйственного восстановления. Всякое усиление Советской России означает ослабление мировой буржуазии. Самый факт пятилетнего существования Советской России является наиболее тяжелым, непоправимым ударом, который когда-либо обрушивался на мировой капитал“.

Наряду с этим была принята специальная резолюция об оказании западными рабочими систематической технической и другой помощи Советской России, для чего должна быть создана постоянная организация (Межрабпом).

Программный вопрос.

IV конгресс впервые занимался программой Коминтерна. Конгрессу был представлен предварительный проект программы, с докладом о котором выступил тов. Бухарин. Согласно повестки конгресса, должен был представить свои программы так же ряд партий. Однако, только германская и болгарская партии подготовили свои проекты.

IV конгресс не мог еще принять программы, так как многие партии не успели рассмотреть проекта. Поэтому

пришлось ограничиться лишь предварительной дискуссией. С содокладами выступили т. т. Тальгеймер и Кабакчиев, которые излагали свои взгляды на проект программы и доложили о проектах программы своих партий.

Конгресс постановил передать все проекты программ в специальную комиссию для проработки и обязать все партии обсудить проект до V конгресса и выработать свои национальные программы.

Основная дискуссия по поводу проекта программы шла по вопросу о том, включать ли в программу переходные требования.

Специальная резолюция по вопросу о программе указывала, что в общей программе должно быть непременно дано теоретическое обоснование всех переходных и частичных требований; при этом конгресс так же решительно осуждает тенденцию, усматривающую во включении переходных требований в программу оппортунизм, как и все попытки затушевать или заменить основные революционные задачи частными требованиями. Вместе с тем тов. Бухарин от имени русской делегации огласил следующее заявление, подписанное Лениным, Троцким, Зиновьевым, Радеком и Бухариным:

„Принимая во внимание, что спор относительно того, какую формулировку следует придать переходным требованиям и в какой части программы они должны быть помещены, совершенно не обоснованно создал видимость принципиального противоречия, русская делегация единогласно констатирует, что выставление переходных требований в программе национальных секций и общая

их формулировка и теоретическое обоснование в общей части программы не может рассматриваться как оппортунизм". (Текст переведен с немецкого протокола. — А. Т.).

Профсоюзный вопрос.

В связи с тактикой единого фронта конгресс подробно занимался вопросом о задачах коммунистов в профсоюзах, с докладом о которых выступил тов. Лозовский. В тезисах, принятых по его докладу, констатировалось наступление реформистских вождей на революционные профсоюзы и все левые элементы профессионального движения и их стремление расколоть профдвижение. Специальный раздел тезисов посвящен проблеме „нейтралитета профдвижения“. Тезисы указывают, что теория нейтральности является выражением влияния буржуазии на пролетариат, так как буржуазия всегда стремилась отделить политику от экономики, ограничить деятельность профсоюзов экономическими вопросами и удержать рабочий класс в узких рамках чисто профессиональных объединений. С другой стороны, эту теорию выдвигают анархо-синдикалисты. Независимо от ее источников и проявлений, это теория должна встретить решительное сопротивление, так как она лишь способствует ослаблению боеспособности рабочих масс.

Тезисы выдвигают лозунг борьбы за единство профессионального движения, так как раскалывание профсоюзов чрезвычайно опасно для всего рабочего движения. Там, где имеются параллельно существующие профсоюзные центры, там коммунисты должны вести борьбу за воссоединение организаций. Однако, для этого ком-

партии должны иметь практическую программу действий применительно к каждой отдельной стране и к каждой отрасли производства. Борьба за единство является для компартий особо актуальной, потому что реформисты в своей раскольнической тактике преследуют, главным образом, цель исключения коммунистов из профсоюзов. Поэтому всеми средствами необходимо бороться против исключения коммунистов, революционных элементов и революционных союзов из международных профессиональных объединений.

Резолютивная часть тезисов гласит: „Там, где амстердамцы не будут прибегать к исключению, там где они предоставят коммунистам возможность вести в профсоюзах идейную борьбу за их принципы, там коммунисты будут дисциплинированно бороться в рядах единой организации, они будут бороться в самых первых рядах при всех столкновениях и конфликтах с буржуазией“.

Колониальный вопрос.

Серьезное место в работах IV конгресса заняло обсуждение колониального вопроса, докладчиками по которому выступили т. т. Равенстейн, Рой и Катаяма. Хотя тезисы IV конгресса по восточному вопросу и не внесли ничего принципиально нового в позицию Коминтерна в области колониальных проблем и хотя Коминтерн не имел возможности за это время достаточно широко развернуть свою работу в восточных странах, однако, IV конгресс констатировал значительное усиление антиимпериалистической борьбы в колониях и укрепление коммунистических позиций в национально-освободитель-

ном движении. Доказательством первого была победа Турции в борьбе за национальную независимость и бурный рост национально-революционного движения в Индии, Месопотамии, Египте, Марокко, Китае и Корее; о втором говорило пробуждение рабочего движения во всех странах Востока и образование почти во всех из них коммунистических партий. Последнее обстоятельство способствовало тому, что, как заявил в своем докладе тов. Рой, Коминтерн оказался в состоянии с большим знанием, большим опытом и пониманием говорить о движении национальных и полуколониальных стран. Тезисы IV конгресса означали большой шаг вперед по сравнению с II конгрессом в смысле конкретизации задач в отдельных странах Востока.

Учитывая подъем рабочего движения в колониальных странах, тезисы прежде всего констатировали сдвиг в социальном базисе революционного движения колоний.

Дав подробный анализ условий национально-освободительной борьбы в отдельных восточных странах, IV конгресс в своих тезисах вновь — после тезисов II конгресса — заявил о поддержке Коминтерном всякого антиимпериалистического движения. При этом, однако, тезисы говорили, что победа масс может быть достигнута лишь при наличии последовательной революционной линии, рассчитанной на вовлечение в активную борьбу самих масс.

Специальный раздел тезисов был посвящен аграрному вопросу. В нем указывалось, что революционное движение в отсталых странах Востока может иметь успех лишь в том случае, если оно базируется на действиях широких крестьянских масс. Поэтому революционные партии

должны выступать с ясной аграрной программой и требовать проведения этой программы буржуазно-национальными партиями.

В следующем своем разделе тезисы констатируют значительный рост профессионального и политического движения рабочего класса, несмотря на чрезвычайно неблагоприятные условия, несмотря на разлагающее влияние буржуазного национализма, зачастую подчиняющего своему влиянию рабочие организации. Предпосылкой этого успеха было образование самостоятельных пролетарско-классовых партий почти во всех странах Востока.

Тезисы выдвигают перед этими партиями следующие задачи. Прежде всего необходимо установить союз с пролетариатом передовых стран для совместной борьбы за советский строй, который для отсталых народов представляет наиболее безболезненную форму перехода от первобытных условий существования к высшей культуре коммунизма.

Вместе с тем, коммунисты ни в коем случае не должны отказываться от участия в общей национальной борьбе против империализма, под предлогом якобы „защиты“ самостоятельных классовых интересов. Это может лишь дискредитировать пролетарскую диктатуру на Востоке. Не менее вредна, однако, и попытка уклониться от борьбы за насущные повседневные интересы рабочего класса во имя „национального единения“ или „гражданского мира“ с буржуазией.

„Перед коммунистическими и рабочими партиями колоний и полуколоний стран,— говорится в этих тезисах,— стоит двойная задача: с одной стороны, они борются за наиболее радикальное решение задач буржуазно-демо-

кратической революции, направленной на завоевание государственной-политической независимости; с другой стороны, они организуют рабочие и крестьянские массы для борьбы за их специально-классовые интересы, используя при этом все противоречия в националистическом буржуазно-демократическом лагере. Выставляя социальные требования, они тем самым стимулируют, развязывают революционную энергию, не находящую себе выхода в буржуазно-либеральных требованиях. Рабочий класс колоний и полуколоний должен твердо знать, что лишь расширение и углубление борьбы с великодержавным империалистическим гнетом может выдвинуть его на роль революционного вождя. И, наоборот, лишь экономическая и политическая организация и политическое воспитание рабочего класса и полупролетарских слоев способны увеличить революционный размах борьбы с империализмом“.

Лозунг единого фронта сохранял свое полное значение и для колониальных стран, где он принимал форму лозунга единого антиимпериалистического фронта. В соответствующем разделе колониальных тезисов указывалось, что точно так же, как на Западе лозунг единого рабочего фронта способствует разоблачению социал-демократического предательства в интересах пролетариата, так в колониях лозунг единого антиимпериалистического фронта будет способствовать разоблачению колебаний и шатаний отдельных групп национальнобуржуазного движения.

Условием этого единого фронта, а также временных соглашений с буржуазной демократией является завоевание рабочим движением самостоятельных позиций и соблюдение полной политической независимости в общем антиимпериалистическом фронте.

Признавая допустимость и неизбежность частичных и временных компромиссов, тезисы в то же время требуют решительной борьбы против соглашения между империализмом и туземной буржуазией.

Ближайшим требованием рабочих организаций должна быть максимальная демократизация политического режима, с тем, чтобы лишить опоры наиболее реакционные элементы и обеспечить свободу организации трудящихся для борьбы за свои классовые интересы.

Знаменем единого антиимпериалистического фронта должно быть требование тесного союза с Советской республикой.

Далее тезисы подробно останавливаются на положении в странах тихоокеанского побережья в связи с острой опасностью войны на Тихом океане. В этом разделе тезисы говорят о задачах совместной борьбы компартий колониальных империалистических стран против опасности войны и в деле помощи друг другу.

Наконец, последний раздел тезисов определяет задачи коммунистических партий империалистических стран в отношении рабочего и национально-освободительного движения в колониях.

Наряду с этими общими тезисами по восточному вопросу конгрессом была принята специальная резолюция о положении негров и задачах Коминтерна в связи с этим в Африке и в Северной Америке.

Другие общие вопросы.

Конгресс специально занимался также вопросом о работе в деревне. Основная позиция Коминтерна в аграрном вопросе была выработана II конгрессом,

Задачей IV конгресса являлось выработать директивы для применения этих тезисов. После доклада тов. Варги, давшего общую картину положения крестьянства в Европе и вытекающих из него задач компартии, доклада тов. Теодоровича о положении советской деревни и доклада тов. Кошечевой о недостатках работы компартий в деревне, конгресс принял директивы по этому вопросу; центральное место в них занимала программа частичных требований, которые должны выставить компартии, чтобы возглавить борьбу трудящихся сельских масс против господствующего класса. Директивы намечали также работу в сельско-хозяйственном пролетариате и общие организационные методы работы в деревне.

Далее Коминтерн заслушал специальный доклад т. Кашена о Версальском договоре. В вынесенной по этому вопросу резолюции была дана характеристика мирового положения в связи с кризисом Версальского договора и было подчеркнуто, что попытка империалистических держав создать прочную основу для их мирового господства потерпела полный крах. Версальский договор привел лишь к обострению противоречий между державами, которые готовят новую войну. В связи с этим, резолюция требует от компартий и в первую очередь от коммунистов Франции и Германии, совместной борьбы против Версальского договора. Германская компартия должна подчеркнуть готовность германского пролетариата оказать поддержку рабочим и крестьянам Северной Франции в деле восстановления их разрушенного хозяйства и вместе с тем вести борьбу против своей буржуазии, которая стремится выполнить свои военные обязательства за счет германского пролетариата с помощью фран-

цузской буржуазии. Французские же коммунисты должны бороться против империалистических тенденций своей буржуазии, стремящейся к обогащению путем усиленной эксплуатации германского пролетариата. Они должны бороться за немедленное очищение оккупированных в Германии территорий и против занятия Рурской области.

Другими общими вопросами, обсуждавшимися на IV конгрессе, были доклады о деятельности Коммунистического Интернационала Молодежи, о работе Международного женского секретариата, о задачах коммунистов в кооперативном движении и, наконец, о деятельности коммунистов в области воспитания. По всем этим вопросам были вынесены резолюции.

Вопросы партий.

Далее, как мы указывали выше, Коминтерн занимался вопросами о положении в ряде партий, главным образом, в партии французской, итальянской, чехо-словакской и норвежской, для разрешения которых были созданы специальные комиссии конгресса.

Особенно много внимания уделил конгресс положению во французской партии. В предыдущем изложении мы останавливались на кризисе, переживавшемся французской партией, и на совершенных ею ошибках. Деятельность французской партии была подвергнута на конгрессе жесточайшей критике. После подробнейшего обсуждения как в комиссиях, так и на пленарном заседании, конгрессом был принят ряд резолюций — об общем по-

ложении партии, о программе ее ближайшей деятельности и о составе ее руководящих органов. В этих резолюциях нашли свою оценку и осуждение все те недостатки партии, о которых мы уже говорили (непроведение тактики единого фронта, недостаточное участие в повседневной борьбе рабочего класса, связь ряда руководящих работников с буржуазными организациями — франко-масонами и Лигой защиты прав человека, участие партийных работников в буржуазных органах печати, обостренная фракционная борьба). Резолюция о „рабочей и боевой программе французской компартии“ указывала как на самую насущную задачу партии на организацию сопротивления пролетариата наступлению капитала. Защита ближайших требований рабочего класса создаст партии наилучшую платформу для объединения распыленных пролетарских сил. Общим правилом для массовых выступлений должна стать тактика единого фронта. При этом партия ни в коем случае не должна отказываться от своей безусловной независимости и права критики по отношению к другим участникам совместной борьбы. Она должна стараться взять в свои руки инициативу во всех выступлениях рабочего класса.

Резолюция особо подчеркивает необходимость усиления работы профсоюзов, создания в них ячеек и борьбы за объединение профдвижения.

Одной из центральных задач политической деятельности партии должна быть борьба против Версальского мира. Наконец, резолюция говорит об усилении антимилитаристской работы, о необходимости проникновения в армию, об отождествлении интересов партии с интересами освободительной борьбы французских колоний

и о работе в деревне с целью привлечения сельских рабочих, батраков и фермеров к революционному движению.

Ввиду чрезвычайного обострения борьбы фракционных группировок, которые не могли самостоятельно прийти ни к какому соглашению и не могли приступить к совместной работе, IV конгрессу пришлось вмешаться во внутреннюю жизнь компартии и определить состав всех руководящих органов партии. Состав был выработан различными фракциями партии уже на самом конгрессе и утвержден всей французской делегацией, а затем конгрессом, причем делегация обязалась отстаивать этот состав перед партией.

Главной целью обсуждения положения в Италии было добиться, хотя и запоздалого, объединения коммунистической партии и социалистической партии после того, как последняя исключила из своего состава реформистов и единогласно вынесла постановление о присоединении к Коминтерну.

Мы уже говорили выше о тех роковых последствиях, которые имели колебания в социалистической партии, не решившейся своевременно освободиться от центристских элементов, и, с другой стороны, нежелание вождей коммунистической партии объединиться с социалистической партией даже после того, как она выполнила все требования Коминтерна.

Принятая конгрессом резолюция давала оценку развития рабочего движения в Италии после войны и причин поражения рабочего класса.

„Печальный, но поучительный урок итальянских событий,— говорилось в ней,— должен внушить сознатель-

ным рабочим всего мира следующее: 1) реформизм является врагом; 2) колебания центристов представляют опасность для самой жизни рабочей партии и 3) наличие сомкнутой и сознательной коммунистической партии является первой предпосылкой для победоносной борьбы пролетариата. Таковы выводы из итальянской трагедии“.

Далее резолюция указывает, что общее положение в Италии повелительно требует скорейшего объединения всех революционных сил пролетариата. С этой целью IV конгресс постановил немедленно объединить коммунистическую и социалистическую партии Италии. Резолюция указывает на организационные пути этого объединения, а также* выдвигает требование о создании общего комитета в профсоюзном движении.

Большинство делегации итальянской компартии, во главе с тов. Бордига, и в комиссиях и на пленуме конгресса выступало против слияния обеих партий и стояло на той точке зрения, что привлечение итальянских масс на сторону Коминтерна возможно лишь как процесс ассимилирования итальянской компартией отдельных рабочих, выходящих из других партийных организаций. На этих позициях большинство делегации итальянской компартии и осталось; однако, оно согласилось подчиниться решению комиссии и конгресса и, подав заявление о своей точке зрения, в конце этого заявления указало: „Желая доказать на деле свою дисциплинированность, большинство итальянской делегации ограничит этим заявлением свое участие в прениях, будет голосовать за резолюцию, предлагаемую комиссией, и заявляет, что им будет сделано все возможное для проведения этой резолюции в жизнь“.

Обсуждение положения в чехо-словацкой партии имело целью ликвидировать кризис, возникший в связи с исключением из партии ряда оппозиционных товарищей, составлявших часть руководства партии. Конгресс осудил тактику оппозиции, которая, во-первых, необоснованно обвиняла руководство партии в оппортунизме, и во-вторых, в своей борьбе против линии партии резко нарушила внутрипартийную дисциплину. Вместе с тем резолюция конгресса отмечала, что решение ЦК об исключении вождей оппозиции из партии нецелесообразно. Конгресс решил заменить исключение резким порицанием и отстранением виновных от партийных должностей на срок до следующего съезда чехо-словацкой компартии. Резолюция говорит, что отказ конгресса в исключении отнюдь не означает согласия с программной линией оппозиции. „Этот отказ,— гласит она,— был продиктован следующими соображениями: Центральный Комитет партии упустил с самого начала из виду разъяснить по поводу оппозиции, что создание фракционных органов недопустимо; вследствие этого оппозиция считала себя вправе бороться за существование фракционного органа. ЦК партии оставил безнаказанным целый ряд прежних нарушений партийной дисциплины и тем самым ослабил в оппозиции сознание необходимости партийной дисциплины и чувство ответственности. IV конгресс оставляет исключенных товарищей в партии, но подчеркивает при этом необходимость для оппозиции строжайшим образом выполнять все обязательства, принятые ею, и безоговорочно подчиняться партийной дисциплине“.

Вместе с тем резолюция указывает и на недочеты в прошлой работе партии, которыми отчасти и объяс-

няется борьба оппозиции против руководства партии. Эти недочеты выражались в недостаточно активной работе партии в профсоюзах, слабом внимании, уделяемом партией работе с безработными, в недостаточно энергичной работе в армии, несмотря на наличие возможностей для этого, ввиду легального существования партии, а также ввиду того обстоятельства, что чехо-словацкие солдаты обладают политическими правами. Наконец, парламентская деятельность партии носила недостаточно демонстративно-агитационный характер, и депутаты коммунисты недостаточно связывали свою деятельность в парламенте с общей деятельностью партии.

С другой стороны, резолюция отмечает, что партия правильно проводила тактику единого фронта.

Конгресс принял резолюцию^{*} единогласно, хотя делегаты-оппозиционеры в своем заявлении Коминтерну указали, что по их мнению резолюция не устранил опасности разложения партии.

Положение в норвежской партии было значительно хуже, чем положение в других партиях, ибо там шла речь не только о внутрипартийной борьбе группировок или о непонимании линии Коминтерна и неумении ее проводить, но и о прямой борьбе против Коминтерна и о наличии в партии чуждых элементов. Одна из двух борющихся фракций, к которой принадлежало большинство партии, занимала неправильные позиции в ряде очень важных вопросов. Так, она была против вмешательства Коминтерна во внутренние дела партии, исходя при этом из принципов федерализма. Наличие этих тенденций в партии определялось историей ее возникновения и ее организации. Норвежская партия была со-

здана на основе профсоюзов, которые в свое время являлись революционной оппозицией в социал-демократии и в профсоюзном движении.

В период борьбы с социал-демократией синдикалистская революционная оппозиция сыграла хорошую роль. Однако, перенесение этих синдикалистских и федералистских принципов в коммунистическую партию приносит, разумеется, только вред.

Из этих настроений вытекала и вторая ошибка партии, а именно — переоценка экономической и профсоюзной работы и связанное с этим отделение политики от экономики и недооценка политической борьбы вообще.

Помимо того, все эти взгляды обуславливали неспособность к маневрированию, отрицание каких бы то ни было компромиссов и неумение использовать трения в рядах буржуазии.

Другая фракция, опиравшаяся на новые, молодые элементы в партии, занимала гораздо более правильную позицию во всех этих вопросах, и характерной чертой ее тактической ориентации было резкое подчеркивание необходимости политической борьбы. Вместе с тем, представители этой фракции в своей парламентской деятельности допустили ряд грубых оппортунистических ошибок, голосуя в парламенте за предложение о введении обязательного третейского суда в экономических конфликтах и за создание принудительных примирительных камер.

Основным организационным недостатком партии являлось ее построение на основе профсоюзов. При образовании партии в нее вошел целиком ряд профсоюзных организаций, и, несмотря на повторные категорические требования Коминтерна к руководству партии, оно за-

тягивало проведение реорганизации на основе индивидуального членства; в связи с этим, а также в связи с фракционной борьбой, первая фракция не раз выступала публично против вмешательства Коминтерна во внутрипартийные дела.

Ввиду этого конгресс в своей резолюции о норвежской партии решил поставить на вид Центральному Комитету необходимость более строгого выполнения всех решений Интернационала и указал на недопустимость каких бы то ни было сомнений относительно возможности вмешательства Коминтерна во внутрипартийные дела.

Резолюция требовала проведения реорганизации партии, причем здесь была сделана большая уступка руководству партии; для проведения реорганизации был установлен срок в один год после ближайшего съезда партии.

Резолюция предлагала далее изменить социал-демократические названия партийных органов. Центральный орган компартии носил название „Социал-Демократ“.

Ввиду тех сомнений, которые существовали в партии относительно допустимости использования существующих противоречий между различными слоями норвежской буржуазии, резолюция указывает не только на допустимость этого, но и на необходимость, в особенности когда это касается противоречий между крупным капиталом и аграриями, с одной стороны, и крестьянством—с другой.

Наконец, резолюция отмечает ошибки, совершенные в парламентской деятельности партии.

Конгресс занимался также положением в ряде других партий и принял резолюции по этим вопросам. Много внимания было уделено вопросу о белом терроре. Следует отметить, что на IV конгрессе получила одо-

брение идея создания Мопра. Тов. Феликс Кон от имени общества старых большевиков предложил всем партиям создать организации для помощи жертвам революции и объединить их в международном масштабе. Конгресс единогласно поддержал это предложение.

Организационный вопрос.

Одним из важнейших мероприятий конгресса были его решения в области организационной структуры Коминтерна. До IV конгресса в структуре Коминтерна имелись некоторые федералистические элементы. Так, персональный состав Исполкома Коминтерна определялся не конгрессом, который лишь устанавливал количество представителей от различных секций, а партиями. Таким образом, члены Исполкома были не целиком ответственны перед конгрессом и могли отзываться своими партиями. Такой порядок, конечно, не соответствовал всему духу Коммунистического Интернационала, который является не простым собранием отдельных национальных секций, а единой мировой организацией; исполнительный орган его поэтому должен быть ответственен не перед отдельными секциями, а перед высшим органом мирового коммунистического движения—всемирным конгрессом, которому и надлежит целиком и полностью определять состав Исполкома. На IV конгрессе и была произведена реорганизация Исполкома, персональный состав которого был определен на самом конгрессе. Тов. Зиновьев в своей заключительной речи сказал по поводу этого мероприятия: „...Мы приняли ряд весьма важных организационных решений; мы ликвидировали все остатки фе-дерализма или полужедерализма в нашей организации...

Реорганизация нашего Исполкома имеет весьма важный смысл. Это не только организационная мера, но также очень важная политическая мера, которая означает, что мы становимся мировой партией и действительно будем во всех случаях соблюдать международную дисциплину— и должны соблюдать ее...“.

III. Итоги конгресса.

Как мы видели из предыдущего изложения, IV конгресс не ставил себе задачи дать новые принципиальные установки в каком-либо вопросе. „Наш конгресс,—говорил тов. Зиновьев в своем заключительном слове,—за-седал в такие дни, когда перед ним не стояла задача сформулировать какие-либо особые специальные новые проблемы. У нас была другая задача... конкретизировать, уточнить и дифференцировать те решения, которые были приняты на первых трех конгрессах и в особенности на III конгрессе. Эту задачу конгресс, по моему мнению, блестяще выполнил“.

Как мы уже показали в предыдущем изложении, основное содержание политической работы конгресса—выработка тезисов по тактике —сводилось лишь к развитию и уточнению той идеи, которая руководила конгрессом в его деятельности со времени III конгресса.

Наряду с этим огромное значение имела работа, которую проделал конгресс в отношении ряда партий. IV конгресс провел большую идеологическую чистку в отношении почти всех крупнейших секций. „Мы должны сейчас,—говорил по этому поводу Зиновьев,—неустанно проводить работу подготовки во всех партиях, работу по оздоровлению. Когда мы слышали, что там или

тут исключали из партии буржуазного журналиста, то это могло, пожалуй, казаться маленьким делом. Нет, товарищи, это не маленькое дело, это подготовительная работа по оздоровлению партий, необходимая „работа по санированию“, которую конгресс после того, как он, так сказать, засучил рукава, провел в различных партиях. Это прозаическая работа, и не всегда она приятна. Но если действительно коммунистическая партия хочет подготовиться к боям, то она должна использовать каждый день для того, чтобы изучать партию, дабы на стала действительно коммунистической партией и в нужный момент могла бы сыграть свою историческую роль“.

Характерным для работ конгресса было то, что он приходил партиям на помощь не одними только общими политическими лозунгами, как он это вынужден был делать до сих пор, но и совершенно конкретными советами. То, что конгресс оказался в состоянии сделать это, доказывало, что Коминтерн был уже не только пропагандистским обществом, не только обществом для ведения политической агитации, но что он начинал становиться единой мировой организацией пролетариата.

Эта последняя черта нашла свое выражение в решении конгресса относительно уничтожения федеративных пережитков в его структуре и в создании Исполкома на новой международной основе.

Общий смысл работ конгресса может быть определен следующими словами Зиновьева:

„Мы не могли в этот момент принять прямых решений о наступлении. Но на IV конгрессе мы сделали все предварительные шаги для того, чтобы в нужный момент призвать к наступлению...“.

Состав конгресса.

Число делегатов с решающим голосом	343
„ „ „ совещат. „	65
Всего	408 делег.

Состав представленных компартий и организаций.

Коммунистических партий	58
Других партий	3
Проч. организаций	5
Всего	66

Список делегаций.

Страна	Организация	С реш. гол.	С сов. гол.	Страна	Организация	С реш. гол.	С сов. гол.
Германия	КП	23	—	Голландия	„	1	3
Франция	„	23	3	Бельгия	„	1	3
Италия	„	21	—	Китай	„	1	—
РСФСР	„	75	—	Индия	„	1	—
Чехо-Словакия	„	17	3	Ирландия	„	3	1
Англия	„	7	—	Азербейджан	„	2	1
Америка	„	8	1	Грузия	„	2	1
„	Воркарс-Парти	—	3	Литва	„	—	2
Польша	КП	20	—	Эстония	„	2	1
Украина	„	10	5	Дания	„	1	2
Япония	КП	4	—	Персия	„	2	1
Норвегия	„	5	—	Турция (Ангора)	„	2	—
Югославия	„	6	—	„ (Констан.)	„	2	1
Болгария	„	6	—	Австралия	„	2	1
Финляндия	„	7	—	Аргентина	„	2	—
Испания	„	3	1	Ю. Африка	„	1	1
Румыния	„	3	—	Ява	„	1	—
Швеция	„	6	—	Канада	„	1	2
Латвия	„	6	2	Португалия	„	1	1
Швейцария	„	1	2	Чили	„	1	—
Австрия	„	4	2	Уругвай	„	1	—

Страна	Организация	С реш. гол.	С сов. гол.	Страна	Организация	С реш. гол.	С сов. гол.
Бразилия	"	1	—	Уйгуры	"	—	3
Мексика	КП	1	—	Крым	"	—	1
Армения	"	1	2	Горская респ.	"	—	1
Хорезма	"	1	—	Египет	"	—	1
Бухара	"	1	1	" Ким	"	20	—
Корея	"	2	—	" Профинтерн	"	20	—
Фиуме	"	—	1	" Орг. негр. С. А.	"	—	2
Палестина	"	—	1	Монголия. Нац. рев. парт.	"	—	1
Белоруссия	"	1	—	Исландия. Рабоч. партия	"	—	1
Греция	"	1	—	" МЖС	"	—	1
Венгрия	"	7	—	" Межрабпом	"	—	1
Туркестан	"	—	1	Италия. Социал. партия	"	—	5

Приглашено было 350 делегатов. Прибыло из 58 стран 408 делегатов, в том числе 343 с решающим голосом, 65—с совещательным и 6 гостей. В том числе с совещательным голосом были приглашены 5 делегатов от итальянской социалистической партии, 3—от оппозиции чехословацкой коммунистической партии и затем т.т. Кашен и Фроссар.

Приложение II.

Порядок дня.

1. Отчет ИККИ — Зиновьев.
2. Пять лет русской революции и перспективы мировой революции — Ленин, Цеткин, Бела-Кун.
3. Нэп — Троцкий.
4. Наступление капитала — Радек
5. Программный вопрос — Бухарин, Тальгеймер, Кабакчиев.
6. Задачи коммунистов в профсоюзах — Лозовский.
7. Восточный вопрос — Равестейн, Рой, Катаяма, Буденга.
8. Аграрный вопрос — Варга, Теодорович, Кошева.
9. КИМ — Шюллер.
10. Негритянский вопрос — Биллинг, Мак Кей
11. Кооперация — Мещеряков.
12. Работа среди женщин — Цеткин.
13. Воспитательная работа — Тернле.
14. Версальский договор — Кашен.
15. Реорганизация ИККИ — Эберлейн.
16. Французский вопрос — Троцкий.
17. Итальянский вопрос — Зиновьев.
18. Чехословацкий вопрос — Радек.
19. Норвежский вопрос — Бухарин.

20. Вопросы других партий: Турция, Поалей-Цион, Дания, Югославия.
21. Межрабпом.
22. Мопр.
23. Доклад мандатной комиссии.
24. Выборы.

Приложение III.

Состав Исполкома Коминтерна после IV конгресса.

Зиновьев (председатель), Фроеар, Суварин (Франция), Цеткин, Гернле (Германия), Бухарин, Радек (РКП), Шмераль, Нейрат (Чехо-Словакия), Дженнари, Грамши (Италия), Шюллер, Шацкин (КИМ), Мак-Манус (Англия), Карр (Америка), Хеглунд, Шефло (Скандинавия), Прухняк (Польша), Куусинен (Финляндия), Коларов (Балканы), Гарден (Австралия), Штирнер (Ю. Америка), Эндрюс (Ю. Африка), Катаяма, Сафаров (Восток)

Кандидаты: Дюре (Франция), Бетхер (Германия), Ленин, Троцкий (РКП), Муна (Чехо-Словакия), Бордига (Италия), Ньюбольд (Англия), Гамон (Америка), Маккавей (Балканы), Рой (Восток).

Приложение IV.

Выступления на конгрессе.

Всего на конгрессе выступало 104 товарища, в том числе по вопросу об отчете ИККИ выступало 38 товарищей; по вопросу о наступлении капитала — 13; по профсоюзному вопросу — 13; по восточному вопросу — 13; по аграрному вопросу — 8.

Приложение V.

Документы IV конгресса.

1. Тезисы.

О тактике Коминтерна.

Тезисы о едином рабочем фронте.

Тезисы о задачах коммунистов в профессиональном движении.

Общие тезисы по восточному вопросу.

2. Резолюции.

По вопросу об отчете ИККИ.

По вопросу о программе.

О русской революции.

По вопросу о пролетарской помощи Советской России.

Аграрная программа действий. — Директива по применению аграрных тезисов II конгресса КИ.

Резолюция о кооперации.
О работе Международного коммунистического женского секретариата.

О Коммунистическом Интернационале Молодежи.
О деятельности коммунистических партий в области воспитания.
По вопросу о Версальском мирном договоре.
Политическая резолюция по французскому вопросу.
Организационная резолюция по французскому вопросу.
Рабочая и боевая программа французской коммунистической партии.
Резолюция по итальянскому вопросу.
Об испанской коммунистической партии.
По вопросу о коммунистической партии Чехо-Словакии.
По юго-славскому вопросу.
О норвежской рабочей партии.
О датской коммунистической партии.
Резолюция о египетской социалистической партии.
По негритянскому вопросу.
О помощи жертвам борьбы с капиталом.
О репрессиях в Южной Африке.
Резолюция о занятии о. Сахалина Японией.
Открытое письмо II Интернационалу.
Резолюция о реорганизации ИККИ.

3. Воззвания и приветствия.

К трудящимся России.
К красной армии и флоту.
К рабочим красного Петрограда.
К рабочим и крестьянам Италии.
Воззвание к политзаключенным.
К рабочим всего мира по поводу белого террора в Югославии.
По поводу белого террора в Ирландии.
К рабочим и работницам всех стран о положении в Австрии.
К коммунистам и рабочим массам Турции.
Приветствие съезду фабкомов Германии.
Приветствие всеиндийскому съезду профсоюзов в Лагоре.

Приложение VI.

Библиография.

1. Постановления IV конгресса КИ. ГИЗ, 1923.
2. IV конгресс КИ. Избранные речи и резолюции ГИУ, 1923.
3. Радек. 5 лет КИ. Статьи и речи. ГИЗ. 1924.
4. Гуревич. Возникновение и развитие КИ. ГИУ, 1925.
5. Тивель. 5 лет КИ в решениях и цифрах. КИ. 1924.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. Коминтерн между III и IV конгрессами	3
Международное положение	4
Наступление капитала на рабочий класс и оборонительная борьба пролетариата	6
Позиция социал-демократии	8
Положение в компартиях	12
Деятельность ИККИ. Тактика единого фронта	20
Декабрьские тезисы о едином фронте	21
Совещание трех Интернационалов	28
Другие вопросы деятельности Коммунистического Интер- национала	35
II. Работа IV конгресса	36
Тактика единого фронта	36
Лозунг рабочего правительства	39
Обращение ко II Интернационалу	41
Доклад Ленина	43
Программный вопрос	48
Профсоюзный вопрос	50
Колониальный вопрос	51
Другие общие вопросы	55
Вопросы партий	57
Организационный вопрос	65
III. Итоги конгресса	66
Приложения	68

2,10 (1986)

Р/А 5277

ИСТОРИЯ
КОМИНТЕРНА
В КОНГРЕССАХ

Р/А 1341

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. ЛОЗОВСКОГО

А. ТИВЕЛЬ

IV

КОНГРЕСС
КОМИНТЕРНА

«ПРОЛЕТАРИИ»

~~16.523.~~

Цена 25 копеек

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободы, Академии, 5. Тел. 24-57
Москва, Кузнецкий мост, 5/21. Тел.: 3-01-93
Днепропетровск, проспект К. Маркса, 17
Киев, улица Ленина, 6. Телефон 42-58
Одесса, улица Ласалы 16.